

ЛЕВ И ЕДИНОРОГ - ЭМБЛЕМА ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА

Лев и единорог, украшающие здание Московской Синодальной типографии, стали ныне своего рода эмблемой Историко-архивного института РГГУ. Однако, возникает вопрос – откуда они появились на здании и как были связаны с Московским Печатным двором? Ещё А.Б. Лакиер обратил внимание на печать двора, где «было изображение льва и единорога: оба стоят на задних лапах друг к другу лицом и под короною. Эмблема эта взята с рисунка, бывшего над входом в старый печатный двор, рисунка, который виден теперь ещё над воротами Синодальной типографии»¹; в своей книге Александр Борисович воспроизвёл это изображение. Мысль Лакиера утвердилась в историографии: о приказной печати Московского печатного двора (Приказа книгопечатного дела) писали и В.С. Румянцев, и П.К. Симион, и Ю.В. Арсеньев, а В.В. Калугин проследил эту эмблематическую композицию на переплётных средниках и других украшениях книг Московского Печатного двора². Можно думать, что с конца XVI в. (по крайней мере, с 1594 г.) лев и единорог уже присутствовали на переплётках книг Печатного двора. Но что они могли означать?

Сама по себе эмблема единорога была (и остаётся) одной из наиболее популярных в геральдике. Это, конечно, связано с тем, что символ единорога весьма распространён в культуре разных стран и народов: от Западной Европы до мусульманского Востока и Китая – древнейшая изображения единорога (сам внешний вид этого зверя со временем менялся и приобрёл более-менее законченные формы белого коня с козлиной бородой и одним рогом на лбу в Западной Европе эпохи позднего Средневековья – Ренессанса) известны ещё в культурах долины Инда III тысячелетия до н.э.³ Естественно, семантика этого символа также имела различные смыслы: единорог, вероятно, считался священным образом, символизировал силу, чистоту, целомудрие. Очистительная функция единорога выразилась в широко распространённом представлении о том, что рог этого зверя может служить противоядием (мнение, идущее со времён античного автора Ктесиаса, 5 в. до н.э.) и лекарством (в качестве таковых в Европе и на Руси в реальности фигурировали бивни нарвала, некоторые рога «единорогов» до сих пор хранятся в аббатстве Сен-Дени и ризнице собора Сан-Марко в Венеции, из казны Московских царей они были похищены во время Смуты). Семантика силы и целомудрия проявилась в представлениях о свирепости и неуловимости единорога, которого может приручить лишь дева-девушка (сюжет, широко распространённый в европейском искусстве) – отсюда берёт начало христианская традиция, связывающая единорога с Богородицей (девой Марией) и Христом. Единорог может выступать как символ Христа, его непорочного происхождения, его божественной силы и непоклонности по отношению к греху.

Воинственная сила единорога (заключённая прежде всего в его роге) визуально воплотилась в его изображениях на военных предметах (в русской традиции на пушках и воинских знамёнах, ср. наименование артиллерийских орудий «единорогами»). Семантика целомудрия воплощена также в представлении о «самовоспроизводстве» единорога (якобы, самок у этого животного нет), сбрасывающего свой рог, из которого рождается новый зверь. Символ единорога был столь популярен в Европе, что в 1624 г. немецкий астроном Якоб Барчиус (Барч) поместил на карте звёздного неба соответствующее созвездие (Мопосерос), расположив его, кстати, рядом с созвездием охотника Ориона и между созвездиями Большого и Малого Псов.

Но нас, прежде всего, интересует не символ единорога как таковой, а его сочетание с символом льва. Оно не выглядит удивительным, поскольку, обозначая самые высокие категории культуры, единорог естественным образом сопрягается со львом, также воплощающим высшие качества – силу, доблесть, неустранимость, а в политическом плане – монаршую власть (значение льва в христианском религиозном контексте также весьма значительно). Здесь, впрочем, вероятно с XV–XVI вв., возникает мотив не просто сочетания, но даже противостояния и борьбы. Наиболее яркие визуальные образы этой пары в европейской культуре представлены двумя примерами. Это знаменитый гобелен (вернее, целая серия) «Дама с единорогом» (1484–1500 гг.), считающийся шедевром французского и в целом мирового искусства, из собрания Национального музея Средневековья «Клюни» в Париже (здесь лев и единорог выступают в качестве фигур, обрамляющих центральные композиции) и не менее известные щитодержатели государственного герба Великобритании, символизирующие: лев – Англию, а единорог – Шотландию, и восходящие (в этом гербе) к эпохе объединения двух стран под властью короля Якова (Джеймса) I в начале XVII в. (пара, неоднократно обыгрывавшаяся в английской литературе от народных детских песенок до «Алисы» Л. Кэрролла).

В русской культуре первое изображение единорога имеется на полях Изборника Святослава 1073 г., где он служит обозначением зодиакального созвездия Козерога. В дальнейшем единороги изредка встречаются в декоративно-прикладном искусстве и сфрагистике, однако, большое распространение они получают в государственной эмблематике середины XVI – середины XVII вв. – примерно на протяжении столетия. Символ единорога как такового в средневековой русской культуре имел широкое значение⁴. В качестве государственной эмблемы он, очевидно, обозначал царскую власть (со временем став личной эмблемой царя) в религиозно-эсхатологическом контексте⁵. А по мысли Р.А. Симонова, единорог (обозначавший Козерога) мог являться даже астрологическим «управителем» Руси-Московии и потому стать настолько актуальным в упомянутый период⁶. Однако, эта интересная и, бесспорно, остроумная гипотеза наталкивается на два не непреодолимых, но весьма существенных момента: во-первых, огромную временную дистанцию между Изборником 1073 г. и единорогами золотого корабельника Ивана III конца XV в., с которого собственно и можно начинать историю единорога как государственной эмблемы России, и, во-вторых, тот бесспорный факт, что прототипом русского кора-

бельника послужил нобль английского короля Эдуарда III, на котором на месте «русских» единорогов присутствовали английские львы. Такая замена вполне могла произойти по принципу ближайшего эмблематического «аналога» (лев – единорог) и для неё кажется совершенно необязательным астрологическое значение единорога.

Для нас, впрочем, существенен опять-таки не просто единорог, а единорог в сочетании со львом. Такое сочетание также присутствует в русской эмблематике, правда, в основном XVII в.: на воинских знамёнах⁷ (начиная со знамени Ермака), на предметах декоративно-прикладного искусства⁸ и, по крайней мере, два раза на государственных регалиях: на костяных пластинках спинки трона Ивана Грозного и на налуче саадака Большого наряда царя Михаила Фёдоровича (мастера Золотой палаты, 1627–1628 гг.). На спинке трона лев и единорог помещены по сторонам центральной пластины с двуглавым орлом, причём единорог – справа от орла, а лев – слева. Орёл имеет три короны над головами, скипетр и державу в лапах и поднятые, широко раскрытые крылья, что ясно свидетельствует о позднем (по крайней мере, после 1654 г.) происхождении центральной пластины, не аутентичной самому трону. Насколько аутентичны эпохе Ивана Грозного пластины с единорогом и львом – судить не берусь. На налуче саадака Большого наряда двуглавый орёл окружён четырьмя эмблемами: вверху справа – одноглавый белый орёл, держащий царский венец, вверху слева – грифон, держащий державу, внизу справа – белый единорог, держащий скипетр, внизу слева – золотой лев, держащий меч. Таким образом, четверо животных держат четыре регалии.

Чем обусловлен их выбор? Мне представляется их определённая близость с символами четырёх евангелистов. Типологическая аналогия здесь вполне уместна. И действительно, орёл (символ Иоанна) и лев (символ Марка) очевидны. В этом случае, ангелу (символ Матвея) соответствует крылатый грифон, а тельцу (символу Луки) – единорог. Таким образом, два этих символа были переосмыслены в традиции российской эмблематики: грифон здесь может выступать эмблемой рода Романовых (если в начале XVII в., это действительно было так, о чём вроде свидетельствует прапор боярина Никиты Ивановича Романова), а единорог уже присутствовал в государственной символике в XVI в. (как копытное животное он ближе всего тельцу). Более того, даже расположение животных на налуче в определённом ракурсе соответствует традиции их расположения в изобразительном материале тогдашней европейской культуры – орёл и ангел (как жители небесных сфер) помещались вверху, а бык и лев (как обитатели Земли) – внизу⁹. Правда, в средневековой Европе, как правило, ангел и лев помещались справа от центрального изображения (слева от зрителя), а орёл и бык – слева (справа от зрителя). На налуче же Михаила Фёдоровича (а делали его иностранные по происхождению мастера Золотой палаты) орёл и единорог помещены справа от двуглавого орла, а грифон и лев – слева. Чем была вызвана такая «инверсия» – сказать сложно, но важно иметь в виду, что абсолютно жёсткого и во всех случаях одинакового сопряжения символов евангелистов с четырьмя частями общей композиции не существовало.

Теперь важно понять, почему каждое из животных, изображённых на наилучше, держит именно эту регалию, а не какую-либо другую. Здесь прежде всего бросается в глаза определённое соотношение форм предметов: скипетру соответствует меч, а венцу – держава. Венец (царская шапка) был, безусловно, важнее других регалий, поэтому его держит орёл, занимающий верхнее правое место от государственного орла. Далее по иерархии регалий вроде бы должны идти сначала скипетр (государь держит его в правой руке), а затем держава (в левой руке). Но поместить скипетр в левой верхней от орла части (как следовало бы по иерархии мест вокруг центра, принятой в средневековой символике русской царской власти) было бы неверным, поскольку скипетр соотносится с правой стороной. Отсюда ясно, что скипетр должен был оказаться в лапах того животного, которое расположено от двуглавого орла справа, но внизу. Таким зверем и стал единорог – здесь существенно то, что скипетр в некоторых русских текстах XVI в. прямо соотносится с рогом единорога. В левой части композиции должна была располагаться держава – её получил грифон, находящийся вверху. А затем следовал меч, как наименее значимая регалия, его получил лев (символ воинственности) – и таким образом скипетр единорога и меч льва составили стоящую напротив друг друга пару. Царская птица орёл вполне логично держала царский венец, а крылатый грифон – державу (если полагать, что грифон занял «место» ангела, то его сопряжение с державой выглядит ещё более символично, ведь держава (яблоко) по сути символизирует мир). То же соотношение единорога с правой стороной (и соответственно скипетром), а льва – с левой, мы наблюдаем и на спинке трона Ивана Грозного. Итак, в эмблематике государственных регалий присутствует скорее не пара лев – единорог, а пара единорог – лев.

Таким же расположением этих фигур было на здании Московского Печатного двора XVII века. Об этом позволяют судить его изображения – акварель неизвестного художника круга Дж. Кваренги 1790-х гг. и более поздняя гравюра Л.А. Серякова. На фасаде здания над центральными воротами помещалось изображение двуглавого орла (со скипетром и державой в лапах), а ниже доска с надписью, по сторонам которой находились единорог (слева от зрителя, справа от орла) и лев (справа от зрителя, слева от орла). Иными словами, единорог сопрягался с правой стороной, а лев – с левой. В этой композиции единорогу опять-таки соответствовал скипетр, который государь (как и двуглавый орёл) держал в правой руке (в этом контексте не столь существенно, являлось ли изображение орла, державшего регалии, на фасаде здания синхронным периоду самого строительства – 1640-м годам, или появилось в данном варианте несколько позже, ведь, по крайней мере, до 1650-х гг. на государственных печатях орёл изображался без регалий в лапах).

В то же время можно указать и на пример лев – единорог: на предмете парадного конского убранства – арчаке, созданном в мастерских Московского кремля в третьей четверти XVII века (также хранится в Оружейной палате). Здесь на голубом фоне помещён чёрный двуглавый орёл с поднятыми крыльями и короной над головами, скипетром и державой в лапах и золотым щитком с ездоком на груди. Лев, как своеобразный щитодержав

тель, помещён справа от орла (слева от смотрящего), а единорог – слева. Ниже изображены, скачущие к ним фигуры всадников (что связано с функциональной принадлежностью арчака). Этот памятник интересен тем, что несёт изображение единорога, к тому времени уже исчезнувшему из эмблематики государственных печатей.

Иную композицию со львом и единорогом мы видим на эмблеме Печатного двора. Здесь лев и единорог не просто стоят напротив друг друга, но находятся в состоянии борьбы: единорог пронзает льва своим рогом в пасть. Эта особенность композиции позволила Р.А. Симонову даже выделить её как особый тип. Исследователь пишет о двух вариантах парной композиции льва и единорога: «вступающих в контакт» и не вступающих в оный (в последнем случае, как правило, животных разделяет какой-либо третий изобразительный элемент)¹⁰. Не вдаваясь в обсуждение причин изображения такого контакта¹¹, замечу, что на эмблеме Печатного двора лев и единорог помещены под одной короной, а мотив их борьбы, на мой взгляд, очевиден. Хотелось бы повторить мысль В.В. Калугина, что средник переплётов книг Печатного двора с этой композицией «подчёркивал общегосударственное значение деятельности московской типографии»¹², однако, важно отметить, что сама композиция существеннейшим образом отличалась от присутствовавшей на государственных регалиях. Почему для изданий Московского Печатного двора был выбран именно такой вариант – остаётся вопросом, хотя, очевидно, что эта композиция не могла точно совпадать с более-менее официальными эмблемами высшей государственной власти (подобно тому, как и изображения государственного орла на различных предметах не были абсолютно идентичны официальным изображениям на государственных печатях). На здании же лев и единорог были изображены не в борьбе, а лишь противостоящими друг другу.

Кроме того, как видим, если на фасаде здания XVII в. единорог располагался слева от зрителя, а лев – справа, то на печати – наоборот. Иными словами, на здании фигуры этих зверей были как бы сориентированы «по орлу», а на печати – «по смотрящему», т.е. по взгляду зрителя. На здании же 1814 г. взаимное расположение льва и единорога по сравнению с прежним зданием изменилось. Теперь единорог помещался справа от зрителя, а лев – слева, т.е. композиция стала полностью соответствовать тому расположению, которое мы видим на печати Двора и на знаке Синодальной типографии. Так пара единорог – лев стала парой лев – единорог на фасаде здания.

Сочетание лев – единорог или единорог – лев с XVIII века стало весьма популярным в русской родовой геральдике, где эти фигуры часто выступали в качестве щитодержателей. В случае герба графов Брюсов (ОГ, II, 11) они, конечно, могли свидетельствовать об их британском, вернее шотландском, происхождении. В других случаях они, вероятно, несли какой-то иной смысл или просто были обычным явлением (лев, как правило, был золотым, единорог – серебряным). К числу таких гербов относятся гербы Мансуровых (I, 45), Скобельцыных (II, 89), Биркиных (III, 17), Алымовых (III, 54), Телегиных (III, 70), Верёвкиных (III, 101), Болтиных (IV, 50), Веневитиновых (IV, 87), Топильских (IV, 106), Зузиных (V, 22), Ермоловых (V, 44),

Змиевых (V, 91), Анастасиевых (VI, 146), Потуловых (VIII, 40), Михневых (IX, 40), Кругликовых (IX, 98), Лазаревых (IX, 103), Бабаниных (X, 29), Купреяновых (X, 33), также герб графа М.Т. Лорис-Меликова (XIII, 16) и др. В большинстве из них лев и единорог – щитодержатели, но в некоторых они помещены как фигуры в щитах. Приведённый перечень (взяты, в основном, первые десять томов Общего Гербовника) показывает, что эта пара была особенно популярна в гербах, составившихся в период царствования Павла I, когда геральдическими работами руководил О.П. Козодавлев.

¹ *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 116.

² *Румянцев В.С.* Древние здания Московского Печатного двора. М., 1869; *Симоны П.К.* Опыт сборника сведений по истории и технике книгопечатного искусства на Руси, преимущественно в допетровское время, с XI по XVIII столетие включительно: Тексты–материалы–снимки. СПб., 1903; *Арсеньев Ю.В.* Геральдика. Ковров, 1997. С. 218; *Калугин В.В.* Символика сюжетного средника: По материалам изданий XVI–XVII вв. Московского Печатного двора // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. М., 1989. Эти данные обобщил Р.А. Симонов в статье «Древняя государственная эмблема России – единорог» (см.: Труды Историко-архивного института. Т. 34. М., 2000. С. 58, 64 и др.).

³ См.: *Иванов Вяч.Вс.* Единорог // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М., 1991. С. 429–430.

⁴ Возможные смыслы указаны в кн.: *Белова О.В.* Славянский бестиарий. М., 2001. С. 99–103, 133–134.

⁵ Подробнее этот вопрос я попытался осветить в своей книге «Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте» (М., 2005. С. 27–31).

⁶ Подробнее см.: *Симонов Р.А.* Указ. соч. С. 49–78.

⁷ См. подробнее: *Вилинбахов Г.В.* Русские знамёна XVII века с изображением единорога // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 47. Л., 1982. С. 22–24.

⁸ Серебряная братина 1618 г. из Оружейной палаты (*Симонов Р.А.* Указ. соч. С. 65, со ссылкой на В.В. Игошева).

⁹ Об этом, как и вообще об истории символов евангелистов, см. замечательную книгу А.В. Подосинова (Символы четырёх евангелистов: Их происхождение и значение. М., 2000. С. 107).

¹⁰ *Симонов Р.А.* Указ. соч. С. 64.

¹¹ Идея о том, что лев на протяжении семи веков был гербом Владимирского княжества, на которой базируется предположение Р.А. Симонова о символизации эмблемами льва и единорога Владимирского и Московского великих княжеств (*Симонов Р.А.* Указ. соч. С. 66–67), мне кажется с точки зрения современной науки абсолютно некорректной.

¹² *Калугин В.В.* Указ. соч. С. 22–23.